

Ю.Г. Павленко

**СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО
И ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА**

***Аннотация.** В статье рассматривается состояние и эволюция социального государства в его взаимосвязи с развитием инновационной экономики. Инновационная экономика – необходимое условие сохранения и развития социального государства, преодоления неравенства и бедности. Закономерности возникновения новых экономических отношений анализируются с политико-экономических позиций.*

***Ключевые слова:** социальное государство, инновационная экономика, экономические отношения, научно-технический потенциал, корпорации.*

Павленко Юрий Григорьевич – доктор экономических наук, профессор Института экономики Российской академии наук (ИЭ РАН), Москва. E-mail: yupavl83@mail.ru

Yu.G. Pavlenko. Social State and Innovative Economy

***Abstract.** The article examines the condition and evolution of social state in its interrelations with the development of innovative economy. The innovative economy is examined as the necessary condition for maintenance and development of social state as well as for social equality and poverty overcoming. The regularities of new economic, property relations in the subjects of the innovative economy appearance are analyzed from the political and economic points of view.*

***Keywords:** social state, innovative economy, economic relations, scientific and technological potential, corporations.*

Pavlenko Yuri Grigorievich – Doctor of Economic Sciences, Professor, Institute of Economics Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: yupavl83@mail.ru

Выделим две важнейшие социальные и экономические проблемы, перед которыми стоит современное Российское государство. Первая проблема заключается в широком распространении бедности и связанном с ней высоким

уровне неравенства в нашей стране. На проблему бедности обратил внимание на съезде партии «Единая Россия» в декабре 2017 г. Президент В.В. Путин. По его словам, бедность «представляет угрозу для стабильности и единства нашего общества, это просто унижает людей. Нетерпимой должна быть ситуация, когда человек с востребованной профессией и квалификацией за свой труд получает мизерную зарплату, буквально сводит концы с концами» [14]. Второй важнейшей проблемой, с нашей точки зрения, является недостаточные темпы развития научно-технического потенциала страны. Социальное и инновационное развитие страны и ее экономики взаимосвязаны. Более того, такая связь является объективным процессом и отмеченные выше проблемы должны решаться в комплексе.

Проблема бедности и справедливого распределения произведенного совокупного дохода в развитых странах решается социальным государством. Говоря о современном состоянии социального государства и тех вызовах, перед которыми оно предстает, следует вспомнить о его несомненных достижениях и положительном вкладе в развитие общества. В экономической области речь идет о внедрении и отстаивании ценностей и стандартов, связанных с воспроизводством рабочей силы. Это позволило обеспечить резкое повышение качества трудового потенциала и в целом роли труда, как важнейшего условия устойчивого социально-экономического развития. В социальной сфере социальное государство способствовало ограничению чрезмерного неравенства в области распределения доходов, доступности здравоохранения и образования, что в конечном счете послужило основой для повышения человеческого потенциала экономического развития. Социальное государство сыграло важнейшую роль в преобразовании некогда ограниченной элитарной, цензовой демократии и превращения ее в современную массовую демократию, основанную на всеобщем, равном и тайном избирательном праве [3, с. 26–28].

Примечательно, что само существование социально ответственного государства привело к ситуации, когда к отказу от его фундаментальных основ не готовы сегодня не только простые граждане, но и значительная часть бизнеса и соответствующие органы власти. Такое относительное единодушие неудивительно, так как выполняемые социальным государством многообразные функции обеспечивают долгосрочные интересы устойчивого существования и развития всего общества. Основанное на взаимообусловленности социального и экономического развития, а также на политической стабильности, социальное государство сегодня довольно устойчивый феномен. Одним из ярких примеров такого социального государства служит Германия, где, по некоторым оценкам, 41% граждан, имеющих на выборах право голоса, получают преобладающую часть своего дохода в форме трансфертов от государства [19, S. 192]. При этом, согласно опросам, большая часть населения ФРГ

(причем далеко не только среди упомянутых выше 41%) довольна существующей системой социального рыночного хозяйства и не склонна к радикальным переменам в сторону ее выхолащивания, даже если такие перемены смогут поднять страну на несколько ступенек в мировом рейтинге конкурентоспособности [4, с. 528–529].

Несмотря на популярность и относительную устойчивость социального государства, оно оказалось перед вызовами. Одним из таких вызовов выступают процессы глобализации экономической жизни, диктующие развитым странам принятие более или менее унифицированной модели социально-экономической политики. Ее характер во многом определяется привилегированным положением США, обладающих соответствующими рычагами влияния (доминирующее положение американских транснациональных корпораций и банков на мировых рынках, ключевые позиции в МВФ и Всемирном банке, способность навязывать свою позицию странам ОЭСР и т.д.). Когда в Соединенных Штатах у власти стояли неоконсерваторы, приверженцы свободного рынка и сокращения роли государства в экономике (в первую очередь, за счет свертывания социальных программ), остальные страны Запада начали двигаться сходным курсом – хотя курс этот и претерпел определенную модификацию [10, с. 21]. Сюда же следует отнести фактор усиления конкуренции на мировых рынках, связанный с появлением новых игроков в лице, прежде всего, Китая, а также других стран Восточной Азии.

Новые острые проблемы поставил перед социальным государством мировой экономический кризис 2008–2010 гг. По сути, с ним связывают сразу несколько, наложившихся друг на друга кризисов. Во-первых, это очередной циклический кризис, который назревал уже длительное время и несколько задержался ввиду ряда обстоятельств. Во-вторых, кризис, отражающий экономические перемены более фундаментального характера, обусловленные назревшей сменой технологической базы производства, порожденной научно-технологическим прогрессом. Такие перемены обычно связывают с кондратьевскими циклами. В-третьих, кризис, обусловленный специфическим развитием мировой экономики в русле ее финансовализации и всемирного использования информационных технологий. Последние обстоятельства способствовали тому, что финансовый сегмент мировой экономической системы, призванный в первую очередь обслуживать реальное производство, оторвался от ее материальной основы. Иными словами, наряду с реальной возникла иная, виртуальная, экономика, которая не только частично работает на реальную экономику, но и вступает с ней в отношения конкуренции и доминирования. Описанная ситуация не могла не вызвать череды кризисов, что и произошло, в частности, в рассматриваемый период.

Некоторые специалисты указывают также на наличие назревавшего на протяжении ряда послевоенных десятилетий ценностного кризиса и связыва-

вают его со сменой глубинной парадигмы развития общества, при которой материальные факторы, при всей их значимости, отступают на второй план по сравнению с нематериальными [3, с. 35]. Представляется, что ценностный кризис выступает как составная часть системного кризиса современного капитализма и находит свое проявление в сферах за пределами собственно экономики. Это, во-первых, сфера идеологии, где господствует потребительство и гедонизм, архаичные формы потребления, не соответствующие современным условиям и вызовам развития. Во-вторых, сфера политики, где, в рамках так называемого общества спектакля, на первое место выступают пиар и видимость, а вместо реагирования на долгосрочные вызовы все внимание акцентируется на решении текущих, зачастую конъюнктурных задач. Наконец, сфера культуры и науки, которые воспринимаются «обществом спектакля» как «неэффективные», финансируются по остаточному принципу, а занятые в них работники не пользуются должным престижем в глазах общества [7].

Примечательно, что системный кризис, объективно несущий вызовы и угрозы современному социальному государству, развивается противоречиво с точки зрения реакции на него политических субъектов. С одной стороны, он сопровождается процессом размывания политической идентичности партий. Суть в том, что в политическом спектре развитых стран Европы все труднее отличить политические установки и практику. Например, практическая деятельность социал-демократических и центристских партий мало чем отличается [17]. Причина такого положения нам видится в следующих обстоятельствах. Социальное государство и социально рыночная экономика в целом приняты западным обществом как необходимая данность и сохраняются в качестве идеологемы в независимости от пребывания у власти той или иной партии. Одним из условий такого положения явилась своеобразная конвергенция, состоящая в постепенном сближении позиций социал-демократического и традиционного правоцентристского реформизмов и послужившая одной из основ теории и практики социального государства. Такой конвергентный процесс, по мнению многих специалистов, создал сложное образование, не являющееся ни классическим капитализмом, ни ортодоксальным социализмом, но впитавшее в себя все лучшее из идейного багажа обеих социальных систем [15, с. 68]. Здесь, возможно, следует согласиться с мнением, высказанным французскими экономистами, сторонниками институциональной политэкономии, о том, что хорошей реформой следует считать ту реформу, которую никто (включая даже политических противников, выигравших очередные выборы) не хочет ликвидировать после ее воплощения [1, с. 17]. Однако сформировавшееся на протяжении нескольких послевоенных десятилетий социальное государство в западных странах не только не смогло предотвратить возникновение отмеченных выше кризисных явлений, но и все чаще подвергается ослаблению и эрозии.

По мнению немецкого социолога Р. Курца, вызовы, перед которыми стоит современное социальное государство сегодня, связаны с особенностями периода позднего капитализма или, пользуясь социально-культурной терминологией, с эпохой Постмодерна. Современная ситуация, по его мнению, заключается в том, что при позднем капитализме оказалась утраченной способность к производству новой прибавочной стоимости или, иными словами, способность к модернизации в классическом смысле с помощью индустриализации и капиталовложений, как это было в предыдущий период. Капитализм сталкивается, с одной стороны, с головокружительными денежными спекуляциями, а с другой – с новыми формами «обнищания» в виде структурной безработицы и вечной непроизводительности большей части экономик третьего мира. Если дело обстоит именно так, то необходима другая стратегия, отличная от той, что строилась на оптимистической оценке состояния и возможностей индустриального капитализма периода модерна [8, с. 214].

Что касается России и ее экономики, то, с одной стороны, ей присущи все перечисленные выше атрибуты глубокого системного кризиса, но с другой – социальное государство в России по множеству параметров значительно слабее, чем на Западе. Речь идет об уровнях неравенства и бедности в стране. При этом используемые показатели величины минимальной потребительской корзины явно занижены. Привязка величины МРОТ к заниженному показателю минимальной потребительской корзины создает искаженную картину масштабов бедности в России. В этом же направлении работает и показатель средней, вместо медианной, зарплаты и доходов.

Международные сопоставления близких по уровню экономического развития постсоциалистических стран также говорят не в пользу российской модели социального государства. Так, в Польше, в отличие от российской плоской шкалы подоходного налога, законодательно установлена прогрессивная шкала налогообложения, составляющая соответственно 18 и 32%. Кроме того, если средняя зарплата в Польше в сопоставимой валюте выше российской примерно в 2 раза, то минимальная зарплата выше почти в 4 раза. Это свидетельствует о существенно более низкой дифференциации доходов польских трудящихся по сравнению с российскими. По словам известного польского экономиста, бывшего министра финансов страны Г. Колодко, положение с неравенством в Польше не так плохо, как в России, где в результате посткоммунистической революции вернулось крайне высокое неравенство собственности и доходов, типичное для царских времен¹. По его мнению,

---

1. Отметим, что, по оценкам некоторых российских историков, различия в доходах директоров предприятий и рядовых рабочих в постсоветской России выше, чем это было на предприятиях в царской России.

современные различия в доходах уже не только не принимаются обществом, но и начинают действовать против экономической динамики. Г. Колодко определяет справедливым такое распределение доходов, которое одобряется обществом, не дестабилизирует политическую ситуацию и способствует гармоническому функционированию народного хозяйства [18, р. 137–138].

Перейдем ко второй из заявленных проблем, к проблеме развития научно-технического потенциала страны. Опирающаяся на этот потенциал инновационная экономика нуждается в соответствующей стратегии развития. Можно выделить по меньшей мере два направления, концептуальных подхода к такой стратегии. Это имитационный подход, суть которого в том, чтобы в максимальной степени задействовать институциональные и организационно-управленческие механизмы, используемые в развитых рыночных экономиках. При этом следует опираться на механизмы так называемого Вашингтонского консенсуса, предназначенные для стран третьего мира. Такой подход довольно широко использовался в период так называемых радикальных реформ в начале 90-х годов прошлого века. Опыт показал, что он не привел к удовлетворяющим общество результатам. Впрочем, зарубежными советниками и кураторами «радикальных реформ» их результаты могли быть восприняты с удовлетворением.

Наиболее перспективным представляется подход, который может быть определен как креативно-инновационный. Этот подход опирается на поиск новых форм социально-экономических, производственных отношений, учитывающих объективные условия кардинальных изменений в материально-технической базе современной экономики и опирающийся на всестороннее развитие уже имеющегося научно-технического потенциала. Суть данных изменений все чаще определяется понятием «экономика знаний». Термин «экономика знаний» ввел в оборот Фриц Махлуп (Fritz Machlup) в 1962 г. Первоначально это понятие относилось к соответствующему сектору экономики. Сегодня под ним подразумевается «экономика, базирующаяся на знаниях» или инновационная экономика в целом [13].

Выбор креативно-инновационного направления обусловлен, прежде всего, теми вызовами, которые определяются местом России на геополитической карте мира. Положение страны диктует необходимый уровень ее политической и экономической независимости и самостоятельности. В то же время существенное отставание России в экономическом плане требует поиска и нахождения прорывных решений как социально-экономического, так и технологического характера, опирающихся на понимание глубинных закономерностей развития, перспективных трендов. Россия обладает значительным опытом социальных инноваций – как положительным, так и отрицательным, она накопила научно-технический потенциал и вполне способна, как нам представляется, ответить на стоящие перед нею вызовы.

Способность обеспечивать экономический рост в рамках креативно-инновационного подхода, реализуемого в современной экономике знаний, определяется, прежде всего, состоянием научного потенциала и наличием механизмов его эффективного использования. Для оценки состояния научного потенциала с точки зрения его финансовой и кадровой составляющих используются показатели наукоемкости, представленные в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

**ЗАТРАТЫ НА ИССЛЕДОВАНИЯ И РАЗРАБОТКИ (НИОКР)
В % К ВАЛОВОМУ ВНУТРЕННЕМУ ПРОДУКТУ: 2015 г.**

Республика Корея	4,29
Израиль	4,11
Япония	3,59
США	2,74
Китай	2,05
Россия	1,13
Турция	1,10
Польша	0,94
Украина	0,66

Источник: [9, с. 255].

Данные таблицы 1 позволяют сделать вывод о наличии определенной положительной корреляции между уровнем наукоемкости и уровнем экономического развития страны. В самой верхней части таблицы располагаются высокоразвитые страны (Корея и Израиль), демонстрирующие в последние годы ускоренные темпы развития и делающие ставку на интенсивное использование научных достижений в условиях отсутствия природных ресурсов. Следует также отметить, что в наиболее крупных высокоразвитых странах показатели наукоемкости, как правило, не достигают наибольших величин в силу масштабов экономики и наличия уже накопленного научного потенциала. На фоне других стран тревожно выглядит скромный показатель наукоемкости в России, учитывая то обстоятельство, что в Советском Союзе наукоемкость ВВП была одной из самых высоких в мире. В период радикальных реформ величина этого показателя в России снизилась почти в 3 раза.

Об определенной инерционности в развитии кадровой составляющей научного потенциала России свидетельствуют данные таблицы 2. Эти диспропорции указывают, в частности, на низкий уровень финансирования оплаты труда в российской науке.

Таблица 2

ЧИСЛЕННОСТЬ ПЕРСОНАЛА, ЗАНЯТОГО ИССЛЕДОВАНИЯМИ И РАЗРАБОТКАМИ, В РАСЧЕТЕ НА 10 ТЫС. ЗАНЯТЫХ В ЭКОНОМИКЕ: 2015 г.

Израиль	174
Республика Корея	135
США	89
Россия	66
Китай	20
Польша	50

Источник: [9, с. 272].

Приведенные в таблице 3 сравнительные данные по экспорту и импорту технологий свидетельствуют о значительном отставании России в научно-технологической сфере. Кроме того, они свидетельствуют о малой эффективности использования научного потенциала России, что отражается на показателях экспорта технологий. Данные таблицы, наконец, свидетельствуют о низкой востребованности передовых технологий со стороны российских предприятий. Проблемы с внедрением научных разработок, инноваций в российской экономике, к сожалению, сохранились и в рыночных условиях, «перекочевав» из «директивного» советского прошлого. Все это указывает на наличие дисфункций системного характера в процессе формирования в России современной экономики знаний.

Таблица 3

ПОСТУПЛЕНИЯ ОТ ЭКСПОРТА ТЕХНОЛОГИЙ И ВЫПЛАТЫ ПО ИМПОРТУ ТЕХНОЛОГИЙ: 2015 г. (млрд долл. США)

	<i>Экспорт</i>	<i>Импорт</i>
Россия	1,65	2,21
Япония	34,55	48,43
США	136,27	89,42
Польша	6,0	5,7

Источник: [9, с. 298].

Системный характер проблем формирования инновационной экономики в России требует их политико-экономического осмысления, исследования глубинных закономерностей развития, роли и места государства в экономике. При этом мы исходим из того обстоятельства, что социальные отношения в широком смысле все чаще рассматриваются как факторы, влияющие на экономическое развитие. Представляется плодотворным обратиться к работам некоторых выдающихся экономистов институционального или близких к нему направлений, к работам, в которых определяются перспективные пути

и формы эволюции системы экономических отношений, включая государство как субъект этих отношений. К таким экономистам мы относим, прежде всего, Т. Веблена, Дж.М. Кейнса и Дж.К. Гэлбрейта.

Т. Веблен в своей знаменитой работе «Теория праздного класса» большое внимание уделил разработке проблемы консерватизма «праздного класса», т.е. слоя богатых граждан, не нуждающихся в заработках и ведущих особый образ жизни, ориентированный на «престижное» потребление. Речь идет о том, что, с одной стороны, «праздный класс», не испытывая на себе давления экономических условий, выдвигаемых борьбой за средства существования, находится в исключительно выгодном, независимом положении. Этому «классу» безразлично общественное развитие, включая изменения институтов. Вследствие чего представители «праздного класса» выступают как консерваторы. С другой стороны, люди бедные, чьи силы поглощает повседневная борьба за существование, консервативны потому, что не могут позволить себе позаботиться о послезавтрашнем дне. «Праздный класс» сдерживает развитие общества, способствует консервации существующих социальных институтов, что может привести к архаизации общества. Таким образом Т. Веблен показывает, что поляризация общества по уровню доходов служит мощным антистимулом развития [2, с. 207].

Хотелось бы обратить внимание и на другие аспекты проблемы «праздного класса». Речь идет как о судьбе этого класса, так и о перспективах изменения всей социальной структуры, структуры собственности, вытекающих из потребностей успешного экономического развития. Т. Веблен отмечает, что участие самого денежного класса становится излишним, поскольку без «капитана» можно обойтись. По его словам, сложившиеся в современных институтах усовершенствования, выгодные для денежного интереса, имеют тенденцию к замене «капитана» на «бездушную» акционерную корпорацию и таким образом способствуют тому, чтобы без важнейшей функции «праздного класса», функции обладания собственностью, можно было обойтись. Т. Веблен делает вывод, что такое развитие экономических институтов под влиянием «праздного класса» может иметь большое производственное значение – правда, пока лишь в неопределенном будущем [2, с. 218].

Представляется, что «неопределенное будущее», о котором писал Т. Веблен, сегодня, возможно, становится более определенным. В своей наиболее известной книге «Новое индустриальное общество», вышедшей в 1967 г., т.е. через 68 лет после работы К. Веблена, Дж.К. Гэлбрейт, принадлежащий, как и Веблен, к американским институционалистам, вводит понятие «техноструктура». По его мнению, «на промышленном предприятии власть принадлежит тем, кто принимает решения. В развитом предприятии власть эта перешла окончательно и бесповоротно от индивидуума к группе. Произошло это потому, что только группа обладает необходимой для принятия решений

информацией. И хотя, согласно уставу корпорации, власть в ней принадлежит владельцам, требования, диктуемые развитием техники и планированием, обусловили переход власти в руки техноструктуры» [5, с. 154]. Анализируя взаимоотношение частного и государственного секторов, бизнеса и государства, Дж.К. Гэлбрейт отмечает их интеграцию, взаимное проникновение. По его словам, «на деле же в индустриальной системе граница между частной и государственной сферами компетенции неразличима и в значительной степени условна, ненавистный союз между государственными и частными организациями нормален» [5, с. 422]. В последней опубликованной работе Дж.К. Гэлбрейт уточняет свою позицию. Он определяет современную экономическую систему как «корпоративную систему», подчеркивая ее господствующую роль, и называет корпорации господствующей силой [6, с. 26].

Как же ведет себя «господствующая сила» в современной экономике? По словам Гэлбрейта, «размер и состав ВВП в значительной мере навязываются производителями. Желаемый размер ВВП измеряется суммой показателей производства материальных объектов и услуг – не размерами образования, литературы или искусства, а производством автомобилей, включая и роскошные внедорожники. Именно таков современный критерий измерения экономических и связанных с ними общественных достижений» [6, с. 31]. Далее Гэлбрейт уточняет: «Я не веду речь об абсолютных ценностях. Мы поощряем и прославляем искусство и науку за их содействие развитию общества, приумножению богатства и радостей жизни. И измерение прогресса общества показателями объема производства навязанной производителем продукции, ростом ВВП вовсе не безобидное заблуждение» [6, с. 32]. Иными словами, корпоративная система формирует общество потребления. Любопытно, что Дж.М. Кейнс в своей работе, вышедшей в 1931 г., высказывает сходную мысль, утверждая, что «не надо переоценивать важность экономической проблемы и приносить в жертву предполагаемой экономической необходимости другие, более значимые вещи. Это должно быть уделом специалистов, как стоматология» [12, с. 67]. Иными словами, Кейнс рассматривал экономику как часть более общей и более сложной социальной системы, включающей ценности более высокого порядка и подчиняющей себе экономику. Хотелось бы верить, что в будущем общество сможет достичь такого состояния, о котором писал Дж.М. Кейнс.

Дж.К. Гэлбрейт разбирает в своих работах также и внутрикорпоративные отношения, отмечая, что «как и любая бюрократия, корпоративная бюрократия обладает ярко выраженным стремлением к увеличению своих размеров. Зарплата бюрократа в значительной степени зависит от количества подчиненных, а его жизнь становится более приятной и успешной, если функции обдумывания и принятия решений возложены на нижнее звено» [6, с. 40]. Что касается отношений с обществом, то, по мнению Гэлбрейта, современная

корпорация, стремясь создать благоприятный образ в глазах общества, не признает термин «бюрократия», считая, что бюрократия – это удел государства. Она предпочитает использовать устоявшийся термин «корпоративный менеджмент», который кажется исследователю более прогрессивным [6, с. 40]. По его словам, необходимо «признание обществом и государственной властью того факта, что власть менеджмента создает основания для социально нежелательного поведения. Именно поэтому деятельность предприятий должна строго контролироваться, а размер вознаграждения, которое определяют для себя менеджеры, должен стать тем вопросом, которому общество будет уделять особое внимание» [6, с. 74]. Наконец, Дж.К. Гэлбрейт делает жесткое, но, как нам представляется, не лишнее оснований заключение: «Общество, в котором правит бал экономика корпоративных злоключений и преступлений, не способно приносить пользу, и в конечном итоге оно прекратит свое существование» [там же].

Развивая анализ внутрикорпоративных отношений, предложенный Дж.К. Гэлбрейтом, российский экономист К.А. Хубиев рассматривает эти отношения с точки зрения вызовов инновационной экономики. Последняя предъявляет повышенные квалификационные и образовательные требования к работникам. Поскольку такая деятельность создает новые источники доходов для работодателей, возникает вопрос о справедливом распределении доходов, являющихся результатом инновационной деятельности агентов, состоящих в положении наемных работников. Но инновационная деятельность, результатом которой является приобретение конкурентных преимуществ и получение дополнительных источников дохода, не может вписаться в социальные рамки наемного труда. Ее природа требует принципиально иных отношений, предусматривающих соучастие в процессе и распределении результатов со стороны участников экономических отношений [16, с. 128–130]. Данные отношения вытекают из тезиса Дж.К. Гэлбрейта о том, что «власть переходит к тому фактору производства, который наименее доступен и который труднее всего заменить» [5, с. 95]. По мнению К.А. Хубиева, на смену отношениям экономической власти и зависимости могут прийти отношения партнерства, когда добавочно получаемый доход от инновационной деятельности агента делится в определенных пропорциях теперь уже не между принципалом и агентом, а между партнерами. Модернизация экономики на основе инноваций способна привести к утверждению новых отношений соучастия в общественном производстве [16, с. 133–134].

Сходную аргументацию использует в своем анализе современной экономики знаний известный экономист и теоретик менеджмента П. Друкер (P. Drucker). «Знания, в отличие от денег, тесно связаны с конкретной личностью. Именно человек всегда остается носителем знания, он создает, наращивает и совершенствует знания, а также применяет, преподает и передает их.

Следовательно, с переходом к обществу знаний человек становится ключевой фигурой в этом новом мире» [9, с. 347]. П. Друкер утверждает, возможно, слишком оптимистично, «что все чаще отношения между работником умственного труда и организацией носят характер взаимной зависимости» [9, с. 372].

Развитие экономики и общества знаний, новая роль и положение труда как субъекта инновационной деятельности объективно закладывают институциональные основы интеграции социального государства и инновационной экономики. Инновационная экономика (общество знаний), опираясь на новые производственные отношения, создает тем самым более прочные экономические основания для развития социального государства. В свою очередь, эволюция современных корпораций в условиях вызовов экономики знаний должна идти по пути большего контроля со стороны государства, а также установления новых партнерских отношений как внутри корпораций, так и в отношениях между государством, корпорациями и инновационной сферой внутри корпораций.

Библиография

1. Буайе Р., Бруссо Э., Кайе А., Фавро О. К созданию институциональной политической экономики // Экономическая социология [Электронный ресурс]. 2008. Т. 9. № 3. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204978/ecsoc_t9_n3.pdf#page=17 (Дата обращения: 20.04.2018.)
2. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 368 с.
3. Галкин А.А. Социал-демократия у развилки // Социал-демократия в современном мире: Материалы Международной научно-практической конференции «Кризис европейской социал-демократии: причины, формы проявления, пути преодоления». М.: Ключ-С, 2010. С. 26–36.
4. Германия. Вызовы XXI века. М.: Весь Мир, 2009. 792 с.
5. Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество. М.: АСТ, 2004. 602 с.
6. Гэлбрейт Дж.К. Экономика невинного обмана. М.: Европа, 2009. 88 с.
7. Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос, 2000. 184 с.
8. Джеймисон Ф. Реально существующий марксизм // Логос. 2005. № 3. С. 208–246.
9. Друкер П.Ф. Энциклопедия менеджмента. М.: Вильямс, 2004. 432 с.
10. Загладин Н.В. Кризис социал-демократии или политических идеологий современности? // Социал-демократия в современном мире: Материалы Международной научно-практической конференции «Кризис европейской социал-демократии: причины, формы проявления, пути преодоления». М.: Ключ-С, 2010. С. 21–25.
11. Индикаторы науки: 2017: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 304 с.
12. Кейнс Дж.М. Экономические возможности наших внуков // Вопросы экономики. 2009. № 6. С. 60–69.
13. Макаров В.Л. Экономика знаний: Уроки для России // Наука и жизнь [Электронный ресурс]. 2003. № 5. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/2874/> (Дата обращения: 05.04.2018.)
14. Путин назвал унизительными масштабы бедности в России // РИА Новости [Электронный ресурс]. 2017. 23 декабря. URL: <https://ria.ru/society/20171223/1511575868.html> (Дата обращения: 07.04.2018.)
15. Храмов А.Ф. Социальное государство и кризис социал-демократии // Социал-демократия в современном мире: Материалы международной научно-практической конферен-

ции «Кризис европейской социал-демократии: причины, формы проявления, пути преодоления». М.: Ключ-С, 2010. С. 66–74.

16. Хубиев К.А. Тенденции и перспективы современного экономического развития: интегративный тренд? // Гэлбрейт: возвращение. М.: Культурная революция, 2017. С. 114–156.

17. Gluckstein D. The rebirth of social democracy // International Socialism [Электронный ресурс]. N 151. 2016. 22 June. URL: <http://isj.org.uk/the-rebirth-of-social-democracy/> (Дата обращения: 11.04.2018.)

18. Kolodko G.W. Swiat na wyciagniesie mysli. Warszawa, 2010. 320 p.

19. Sinn H.-W. Ist Deutschland noch zu retten? Berlin, 2005. 579 S.

References

Buaje R., Brusso Je., Kaje A., Favro O. K sozdaniju institucional'noj politicheskoj jekonomii // Jekonomicheskaja sociologija [Jelektronnyj resurs]. 2008. Vol. 9. N 3. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204978/ecsoc_t9_n3.pdf#page=17 (Data obrashhenija: 20.04.2018.)

Debor G. Obshhestvo spektaklja. Moscow: Logos, 2000. 184 p.

Druker P.F. Jenciklopedija menedzhmenta. Moscow: Vil'jams, 2004. 432 p.

Dzhejmison F. Real'no sushhestvujushhij marksizm // Logos. 2005. N 3. P. 208–246.

Galkin A.A. Social-demokratija u razvilki // Social-demokratija v sovremennom mire: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Krizis evropejskoj social-demokratii: prichiny, formy projavlenija, puti preodolenija». Moscow: Kljuch-S, 2010. P. 26–36.

Germanija. Vyzovy XXI veka. Moscow: Ves' Mir, 2009. 792 p.

Gjelbrejt Dzh.K. Jekonomika nevinno obmana. Moscow: Evropa, 2009. 88 p.

Gjelbrejt Dzh.K. Novoe industrial'noe obshhestvo. Moscow: AST, 2004. 602 p.

Gluckstein D. The rebirth of social democracy // International Socialism [Jelektronnyj resurs]. N 151. 2016. 22 June. URL: <http://isj.org.uk/the-rebirth-of-social-democracy/> (Data obrashhenija: 11.04.2018.)

Hramcov A.F. Social'noe gosudarstvo i krizis social-demokratii // Social-demokratija v sovremennom mire: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Krizis evropejskoj social-demokratii: prichiny, formy projavlenija, puti preodolenija». Moscow: Kljuch-S, 2010. P. 66–74.

Hubiev K.A. Tendencii i perspektivy sovremennoego jekonomicheskogo razvitija: Integrativnyj trend? // Gjelbrejt: vozvrashhenie. Moscow: Kul'turnaja revoljucija, 2017. P. 114–156.

Indikatory nauki: 2017: statisticheskij sbornik. Moscow: NIU VShE, 2017. 304 p.

Kejns Dzh.M. Jekonomicheskie vozmozhnosti nashih vnukov // Voprosy jekonomiki. 2009. N 6. P. 60–69.

Kolodko G.W. Swiat na wyciagniesie mysli. Warszawa, 2010. 320 p.

Makarov V.L. Jekonomika znaniy: Uroki dlja Rossii // Nauka i zhizn' [Jelektronnyj resurs]. 2003. N 5. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/2874/> (Data obrashhenija: 05.04.2018.)

Putin nazval unizitel'nymi masshtaby bednosti v Rossii // RIA Novosti [Jelektronnyj resurs]. 2017. Dec. 23. URL: <https://ria.ru/society/20171223/1511575868.html> (Data obrashhenija: 07.04.2018.)

Sinn H.-W. Ist Deutschland noch zu retten? Berlin, 2005. 579 S.

Veblen T. Teorija prazdnogo klassa. Moscow: Progress, 1984. 368 p.

Zagladin N.V. Krizis social-demokratii ili politicheskikh ideologij sovremennosti? // Social-demokratija v sovremennom mire: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Krizis evropejskoj social-demokratii: prichiny, formy projavlenija, puti preodolenija». Moscow: Kljuch-S, 2010. P. 21–25.